

жизни и к чему они стремятся. Такие ценности, как чувство долга, признание окружающими, индивидуальное саморазвитие, имеют для молодых людей примерно одинаково большое значение; у людей старшего возраста все еще преобладают чувство долга и признание окружающими. Молодые продвигаются по направлению к новой ситуации. Но существуют все же и другие специфические ситуации, возникшие в процессе изменения ценностных представлений, так как тенденция к многообразию вообще типична для модернизирующегося общества. В 70-е годы говорили о «поколении протеста», в 80-е – о «поколении потребителей», представители которых в исключительных случаях проявляли склонность к правому радикализму. В 90-е годы проявилось очередное ошибочное толкование изменения ценностных представлений, когда стали говорить о «поколении отречения» (поколение «Икс»).

Антиавторитарное воспитание, которое пренебрегает тем, чтобы воспитать у молодых людей выдержку и способность к временному отказу от удовлетворения личных потребностей, производит личностей, которые позднее постоянно сталкиваются с реальностью и накладываемыми ею ограничениями. Педагогам следовало бы подумать о том, хотят ли они проецировать в воспитание молодых людей утопические идеалы и не должны ли они поставить себе задачу поддержать индивидов в том, чтобы они смогли в реальной жизни уверенно стоять на ногах и найти свой собственный путь.

Последнее едва ли возможно без активизации вторичных добродетелей. Активное воспитание, которое развивает социальные и вторичные добродетели опосредованно, через индивидуальную ответственность, является велением времени. Развивая способность осознанно, самостоятельно, ответственно и успешно отвечать на вызовы времени, воспитание развивает также уверенность в себе, оптимизм и рациональность.

Литература

1. Концепция общего среднего образования (проект) // ВНИК «Школа». М., 1988.
2. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М., 1995.
3. Gensicke Th. Wertewandel und Erziehungsleitbilder. Hinweise aus Sicht der empirischen Soziologie // PAEDAGOGIK. 1994. Nr. 7-8, S. 23-26.
4. Klages H. Traditionsbruch als Herausforderung. Perspektiven der Wertewandels-gesellschaft. Frankfurt/New York, 1993.
5. Klages H., Hippler H.-J., Herbert W. Werte und Wandel. Ergebnisse und Methoden einer Forschungstradition. Frankfurt/New York, 1992.

А. В. ТОЛПЕГИН

АНТИ-БОЛОНЬЯ: ДУХОВНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В качестве своеобразного вступления к настоящей статье приведем фрагмент выступления бывшего Министра образования РФ Филиппова В.М. на международной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2002 года),

посвященной Болонскому процессу: «Мы на заседании правительства РФ практически ежеквартально заслушиваем доклады о ходе подготовки вступления России в ВТО (выделено мною – А. Т.). Президенту Российской Федерации ежемесячно докладывается в письменном виде информация о том, что еще сделано по этому вопросу. И при всем при этом позиция президента России, позиция Российской Федерации заключается в том, что мы не планируем и не будем вступать в ВТО на любых условиях, ради вступления. Это процесс, который должен быть взаимовыгодным. Если мы говорим о каком-то соглашении, то любое соглашение (концептуально) предусматривает две части: права и обязанности. И каждое государство, которое заключает соглашение, взвешивает свои права, возможности, которые оно получает от этого соглашения, и обязательства, которые оно принимает на себя. Обязательства должны быть, не бывает соглашений без обязательств. Вот с этих позиций мы и должны подходить к Болонскому процессу (выделено мною – А. Т.)» [1]

Язык, говорят, честнее нас самих. Все, что связано с формированием общеевропейского образовательного пространства и инициатив европейских министров и ректоров, нас касается, вообще-то только в той мере, в какой нас касается необходимость вступления в ВТО. Но по сути дела нас там не ждут. «Болонья» – для европейцев. И это, на мой взгляд, совершенно верно. Так я сформулировал бы первую мысль данной статьи.

Вторая мысль. Даже для европейцев она («Болонья») не для всех, а только для тех, кто не может найти себе достойную работу «дома» – в своем городе, в своей стране и т.п., для тех, кто, условно говоря, являются на своей территории лишней рабочей силой. В качестве подтверждения этой мысли приведу слова координатора международного форума по проблемам реформы образования, научного сотрудника из Нантерского университета (Франция) Кароля Сигмана: «Мы критикуем болонский процесс, поскольку они выдвигают хорошие предложения, но которые на поверку не так хороши. Сказано, что студенты должны учиться в разных странах и Европа должна помогать их передвижению. Но это будет возможно (и уже реализуется по этой схеме) с помощью системы «кредитов» или «очков». Например, ты занимаешься правом полгода в Париже, набираешь столько-то очков, потом продолжаешь в Вене и там занимаешься историей искусства или чем угодно. В конце концов, набираешь достаточно очков, чтобы получить черт знает какой диплом. Но самое интересное, что поддерживают этот проект предприятия и все их лобби. Почему? Нам кажется, что причина кроется в том, что работник, получивший такой диплом, вряд ли сможет требовать определенную зарплату, ссылаясь на уровень его образования. Таким образом, политика ЕС приводит к уничтожению диплома как ориентира для установления шкалы зарплат. Надо отметить, что европейские элитарные вузы (Кембридж, Парижский институт политических наук и т.д.) отказались участвовать в этом процессе. Это означает, что Европейский союз строит дерегламентированную сферу образования для «обычных» людей, но остается

нормальная сфера образования для элиты (везде выделено мною – А. Т.)» [2] По-моему, более ясно трудно выразить суть «Болонского процесса».

И третья мысль, плавно вытекающая из предыдущей. Духовность и универсальность (в том смысле, в котором данный термин используется в «болонских» документах) образования – вещи несовместимые. Элита, т.е. люди, имеющие действительно **высшее** образование, на его универсализацию (читай – стандартизацию, унификацию для всех) ни за что не согласятся, так как болонская схема с ее свободой выбора курсов студентами ведет к элементарной профанации высшего образования. Декан одного из российских университетов А. Логунов: «Там (в Европе – А. Т.) пропорции совершенно обратные нашим: 30% курсов предлагают вам в качестве обязательных, а 70% – вы выбираете сами... Мне рассказывали коллеги из Нью-Йорка, как в одной школе ввели курс катания на пони и все дети побежали записываться, хотя зачем им в Нью-Йорке кататься на пони. Они не выбрали, может быть, какой-то более важный курс – например, искусство переходить улицу, правила дорожного движения. Но это была их ошибка, их решение... Вот, например, предлагается курс по политическим преступлениям, читает специалист по политическим преступлениям. И вот мой курс политической историографии. Конечно, все пойдут слушать о политических преступлениях. Значит, мне надо так читать политическую историографию, чтобы у меня были студенты» [3]. Мне представляется, что комментарии здесь излишни. Будем кататься на пони и ну ее к лешему эту историографию! Такое вот высшее образование.

Кстати, те, кто знаком с европейскими документами по болонскому процессу, могли обратить внимание, что в них нигде не говорится об образовании **высшем**. Там речь идет об образовании университетском, а это «две большие разницы». Понимание, что такое университет, в Европе и в России различно. У них университеты дают и такие уровни образования, которые можно назвать принятыми у нас терминами: *начальное профессиональное и среднее профессиональное*. Российские же университеты – это даже не институты и не академии, это действительно *высшие* учебные заведения, дающие действительно универсальное, фундаментальное и всеобщее (а не стандартизированное по минимуму) образование, выпускающее специалиста со всесторонней подготовкой. В отличие от европейских специалистов, которые по меткому замечанию Козьмы Пруткова «подобны флюсу», односторонни и узко специализированы. Естественно, что на рынке труда («предприятиям» – выражаясь словами вышеупомянутого Кароля Сигмана) больше нужны именно такие – от них быстрее можно получить «отдачу», дополнительную прибыль, они не станут требовать высокой заработной платы, ощущая собственную ограниченность, и их быстрее и проще можно заменить специалистами следующего выпуска, когда они исчерпают свой потенциал. Это «*техники-технологии*», которых необходимо менять одновременно с заменой устаревшей технологии, для обслуживания которой они и готовились в «университетах». В этом смысле болонский процесс, видимо, необходим и для России – для того, чтобы наши «техники-технологии» смогли найти себе достойное занятие, в том числе, за границей, чтобы они

приобщались к новейшим технологиям Европы и тем самым способствовали адаптации российской экономики к современному рынку. Но высшее образование и духовность здесь ни при чем – это уровень *наших техникумов и колледжей*, но не институтов, академий и, тем более, не университетов.

Высшее образование, оно потому и высшее (прислушайтесь, опять-таки, к языку – *превосходная степень* слова «высокий»), что выше уже некуда. Это вершина, самая высокая точка, которую может дать существующая в стране система образования. И. обратите внимания, *никаких ступеней здесь быть не может*. Оно либо есть, либо его нет. Невозможно, извините, «быть немного беременной», беременность либо есть, либо ее нет, третьего не дано. Человек либо имеет высшее образование, либо до него еще не дошел, и, следовательно, не имеет его. Зачем лукавить?

Болонская же система ориентирована совсем на другое. Как совершенно справедливо пишет доцент Уральской академии государственной службы при Президенте РФ Я. Ю. Старцев, она «вносит два существенных изменения в традиционную схему учебного процесса: 1) переход к массовому конвейерному производству специалистов с заданными *минимальными стандартными характеристиками*; 2) создание свободного рынка обучения, основанного на *минимальных универсальных стандартах* качества (выделено везде мною – А. Т.)» [4]. Поэтому болонский процесс не имеет ничего общего с высшим образованием, и *нашим ВУЗам там делать совершенно нечего*, если они действительно ВУЗы. Другое дело, что часть из них до статуса ВУЗа на деле не дотягивают, но это уже другая проблема – административная. Такие учебные заведения должны быть переведены в разряд колледжей (как они в Европе и называются) и выпускать действительно «бакалавров», «которым, – по словам министра образования РФ, – нечего делать на 5 курсе, которым надо дать диплом бакалавра и отпустить с Богом, потому что они уже не тянут эту программу (программу высшего образования – А. Т.)» [1]. Совершенно справедливый подход. Вот только не надо их, «бакалавров», называть «специалистами с высшим образованием». Есть ВУЗы и колледжи, есть Учителя (именно с большой буквы) и преподаватели, есть люди, способные к высшему образованию, и такие, которым это не дано. Это не значит, что первые хорошие, а вторые плохие, или наоборот. Просто каждый должен заниматься своим делом. Продолжая «акушерскую» тему: если мужчина по своей физиологии не приспособлен к деторождению, то это еще не значит, что он плохой; и не стоит говорить о не соблюдении прав человека, о социальной дискриминации и т.п. «Каждому – свое», как говорит известное изречение мудрецов прошлого. В противовес известному российскому классику: «не каждая кухарка может управлять государством».

Высшее образование – это действительно образование элитное, что понимается даже в Европе. И именно элита, как показывает история человечества, была и есть *хранителем духовности нации*. О какой же «универсализации» (т.е. стандартизации для всех – по болонской схеме) высшего образования может идти речь? Для Европы это отчасти возможно. Для России и Европы совместно – нет.

Дело в том, что *духовность* – это *основное средство самоидентификации нации*. Наличие единой духовности в определенном сообществе людей говорит о том, что сложилась вполне определенная, самостоятельная нация, духовность – это один из основных признаков существования нации. Вряд ли возможна «общечеловеческая духовность» или «духовность межнациональная». Подобные выражения обозначают, на мой взгляд, то же самое, что выражения типа «круглый квадрат», т.е. абсурд. В основе духовности всегда присутствует так называемая «национальная идея» (американская мечта, русская идея...), которая и придает духовности ее *специфику*, ее *своеобразие* и *неповторимость*. Это основа гражданственности, патриотизма, ощущения собственного отличия от представителей других наций.

И здесь нам необходимо обратиться к общеизвестным теоретическим разработкам, которые устоялись в нашей литературе настолько, что вошли даже в учебные издания: что такое нация? Естественно, в рамках данной статьи у нас нет возможности, да и необходимости, заняться подробным и оригинальным анализом существующих на сегодняшний день концепций и точек зрения на данный феномен, поэтому ограничимся его общепринятым «школярным» аспектом, который не противоречит серьезной научной литературе. А именно: *основа формирования нации – общая на какой-то территории экономическая система*. Основа рода – кровнородственные отношения, племени – какие-то общие интересы (производство, брачные отношения, защита от агрессии, переселение...), народности – общность территории проживания. А вот нация складывается тогда, когда формируется общая экономика. В этом и заложена основа противоречия между болонским процессом и Россией.

Дело в том, что в Европе завершается формирование *единой* для европейских государств *экономической системы*. Думается, вряд ли кто всерьез захочет оспаривать данный факт. Но из него получаем и интересующее нас следствие: в Европе происходит формирование *единой европейской нации*, где «несть уже ни эллина, ни иудея» (нет ни французов, ни бельгийцев и т.п.), а есть новое национальное образование – «европейцы», как бы они, может быть, ни хотели этого избежать. Процесс формирования новой нации вполне объективен и закономерен. Чтобы не быть голословным: «Не нужно быть особенным провидцем, – как пишет, например, один из исследователей болонского процесса С. Митрофанов, – чтобы предсказать, к каким грандиозным социальным последствиям должен в конце концов привести заявленный "болонский процесс". Элементарно, через 20-30 лет вчерашние "мобильные" студенты, прошедшие, скажем, один курс в Праге, а второй – в Сорбонне, займут ушедших по возрасту представителей европейского менеджмента, и тогда... последние барьеры внутри ЕС будут естественным образом сняты. Образуется, как сказал бы покойный Лев Гумилев, совершенно новый – общеевропейский этнос» [3]. И в процессе формирования данного «этноса», естественно, не обойтись без формирования общей духовной основы и, следовательно, без общей системы образования – в том числе и высшего. Это тоже закономерно и объективно. Но при чем тут Россия? Зачем лезть с

собственными песнями на чужой пир? Тем более, что нас там и не ждут, как признался в этом еще в 2002 году наш Министр образования: «..Я не должен об этом говорить. Но, когда я просил наших коллег из Германии дать мне ответ, когда и как Россия может быть принята в Болонский процесс, я получил следующий ответ: процесс сейчас приостановлен – это первое. В октябре 2003 года в Германии пройдет пресс-конференция, на которой будут выработаны новые более жесткие критерии приема – это второе (по-простому, это звучит так: ну не лезьте вы, куда вас не просят – А. Т.). А третье, это означает, что там вообще нас не очень ждут (выделено везде мною – А. Т.). Однако завершает свою фразу Министр образования очень забавно: «Поэтому мы должны с вами предпринимать соответствующие шаги» [1]. Воистину российская душа. Написано: «чугунное. Руками не трогать!» Нет, надо-таки все же пальцем ткнуть и проверить, действительно ли оно «чугунное». А в Европе этого никак понять не могут – странный они народ.

Хотя причину упорства нашего руководства, думается, можно найти не только в специфике российского менталитета, есть вещи более прозаичные – денежные средства. На самом деле, по словам упоминавшегося уже С. Митрофанова, у России просто нет другого выхода, как включиться в любой «процесс», начатый в Европе, – «болонский» или какой-либо другой. Ведь это – инициатива, подкрепленная финансовой мощью ЕС, в отсутствие других инициатив и нормального бюджетного финансирования. Ведь у одной Франции в сферу *образованию* направляется до *четверти бюджета*. А как обстоят дела с финансированием российского образования – дело общеизвестное. Вот и пытаются наши руководители за счет этой финансовой мощи Европейского Союза решить проблемы с собственной несостоятельностью: «Включение в болонский процесс, – пишет напрямую, как бы продолжая предыдущую мысль, А. Логунов, – позволит нам продвинуться в самой образовательной культуре от традиций века девятнадцатого к системе, я надеюсь, века двадцать первого» [3]. Вот теперь станвится более понятно, «где собака зарыта». Однако, высшее образование в России здесь, опять же, не причем. Мало того. От этого болонского процесса российскому высшему образованию станет только хуже, о чем совершенно недвусмысленно заявил Министр образования РФ: «Я прошу прощения у коллег из Совета Европы, из ЮНЕСКО, но я должен откровенно сказать: я считаю, что от вступления России в Болонский процесс ВУЗы в большой степени потеряют» [1]. Вот так: влезем мы в этот процесс, несмотря ни на что, даже во вред себе! Знай наших, Европа. Удивительные мы люди. Хотя, как говорил Аристотель, удивление – это начало пути познания, движения к Истине.

Еще раз воспроизведу логическую цепочку: высшее образование – вещь элитная; элита – хранитель духовности; духовность – средство самоидентификации нации; нация формируется при наличии общей экономической системы. В Европе формирование общей экономической системы завершается, следовательно, создается общая система образования, в том числе – высшего, несмотря на то, что некоторые, наиболее серьезные,

университеты пока сопротивляются. Это дело времени, объективные процессы ликвидируют их сопротивление.

Следует отметить достаточно серьезное различие Европы и России в духовном развитии. Примеры «наобум»: свобода для европейца, о чем писали наши классики «серебряного века», – это самоограничение. Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого, говорил И. Кант. Для россиянина свобода – это «воля», вырвался на родные просторы (на волю) и что хочу, то и ворочу. Когда европейец завидует соседу, он старается довести себя до такого состояния, чтобы быть не хуже его. Наш же соотечественник будет доводить соседа до такого состояния, чтобы тот стал не лучше его самого. У русских, как известно из нашей классики, даже любовь – и та с кровью. Не даром еще ни один европейец не смог постичь «русскую душу». Иначе он просто перестал бы быть европейцем. И это духовное различие настолько очевидно, что вряд ли нужны для его подтверждения солидные научные исследования.

Дело в том, что Европа пронизана протестантской этикой, основными столпами которой, в том числе, являются личное трудолюбие и личное богатство: в раю, куда мы все стремимся, мол, будет настолько хорошо, что мы здесь, на Земле, должны готовиться к этому (чтобы не испугаться), и потому должны жить в довольстве и благополучии. Если хотите, именно такое мироощущение лежит в основе «европейской идеи», фундамента европейской духовности. **Идея утилитарности: труд и богатство.**

В России все иначе. Многие, в том числе и отечественные исследователи, искали специфику российской души, «русскую идею». Разнообразие мнений здесь вряд ли поддается даже элементарному обзору, тем более в небольшой статье. Поэтому хочется просто представить собственную точку зрения, которую разделяю не только я, и, видимо, не я первый ее сформулировал [5]. Российская духовность, как ни пытались это искоренить за время существования Советского Союза, пропитана православием, мироощущением которое хорошо представил в свое время Григорий Сковорода в собственной эпитафии: мир меня ловил, но не поймал. **Служение царю и отечеству до самопожертвования** – вот искомая «русская идея». Человек на Руси – это всегда человек «служивый», в той или иной мере, что подтверждает вся история России. Служение – его сущность (все мы вышли из гоголевской «Шинели»). Даже царь – на службе: «Так, например, слово «государь», – пишет вышеупомянутая доктор социологических наук О. Э. Бессонова, – появившееся в начале XVI в., является аббревиатурой: ГО – господин, хозяин, СУ – первое обращение к служивым людям, ДАР – раздающий блага. Таким образом, государь – это хозяин земли русской, находящийся у нее на службе и обеспечивающий своих подданных» [5]. И в этой службе все остальное отодвигается на второй план, все остальное не так важно. Попробуйте индивидуалисту-европейцу, какому-нибудь английскому «сэру», который ничего не видит (и видеть не хочет) дальше собственного носа, внедрить эту идею пожизненной службы – хоть царю, хоть отечеству, хоть еще кому-нибудь. Вряд ли подобное мероприятие может рассчитывать на успех. Это исторически сложившееся и категорическое различие духовности европейской и

российской. Там – личный труд и собственное богатство, здесь – служение царю и отечеству. Насколько различны экономические системы, настолько же различны и основы духовности. «Непрерывный труд и личное богатство» не совместимы с «юродивостью и соборностью». Рожденный брать давать не может. Так же не совместимы и системы высшего образования: там – узкая специализация, чтобы быстрее заработать; здесь – фундаментальность и всеобщность (универсальность по-русски, а не по-болонски), чтобы постичь смысл Бытия. «Анти-протестантизм» российской души по необходимости ведет к «анти-болонье», как это, хотя бы на уровне интуиции, ощущают фактически все представители российской высшей школы – вплоть до руководителей, которые только вынужденно, под давлением принимаемых «государственных решений», пытаются игнорировать описанные различия и хоть как-то искаженно (куда деться от собственной культуры!), внедрить у себя в ВУЗах чего-нибудь похожее на «болонский процесс». Руководители российских ВУЗов, в соответствии с «русской идеей», на службе, они должны подчиняться государственным решениям – опять же в отличие от руководителей европейских ВУЗов, которые издавна отличаются «университетской самостоятельностью», «академической вольностью», что зафиксировано и в «Великой Хартии Европейских Университетов» в Болонье 18 сентября 1988 года. Не захотел, например, Кембридж вступать в этот болонский процесс – и все, и никакое правительство, никакое государственное решение ему не указ. У нас же все по-другому – служба, однако.

Российские ВУЗы должны давать и развивать российскую духовность, а не европейскую, которая у нас, кроме всего прочего, вряд ли и приживется. Дух нации («русский дух») может и должен быть сохранен национальной элитой, воспитываемой в национальной системе высшего образования, которая, как мы видели выше, вряд ли поддается «универсализации», стандартизации и унификации. Естественно, что под термином «элита» я подразумеваю не те «денежные мешки», которые сформировались у нас в процессе последних двух десятилетий. Это олигархи, а не элита, они вряд ли имеют какое-то отношение к национальной элите, т.е. к людям высокообразованным, хранящим духовные ценности нации. Хотя и олигархи (куда деться от собственной самости!) при всех их стремлениях жить «как в Европе», обучать детей в европейских университетах, хранить личное богатство в европейских банках, скупать европейскую недвижимость и прочее, – и они настолько отличаются от воспитанника европейской цивилизации, что о поведении их в обычной повседневности и в Европе, и у нас уже складываются анекдоты. Кто знает, может быть именно они завершат начатое: подстегнут своими богатствами и активностью процессы экономической глобализации и европеизируют (или американизируют, или еще как) Россию, включив ее в европейскую (или еще какую) экономику и в европейское образовательное пространство. Но тогда Россия исчезнет, она растворится в Европе, как растворится и ее духовность. Будем надеяться, что если это и случится, то не очень скоро.

Литература

1. Официальный сайт В. М. Филиппова - <http://www.philippov.ru/>.

2. Русский Журнал/Вне рубрик/Сумерки просвещения
www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_mitr.html.
3. Русский Журнал/Вне рубрик/Сумерки просвещения
www.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030407_log.html.
4. Вести академии. №7. - 19.10.2005.
5. См., напр.: Бессонова О. Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. - 1994, № 3.

В. П. ЧЕРВОННЫЙ

ЦЕННОСТИ И СВОБОДЫ КАК ЯДРО ДУХОВНОСТИ

Советская высшая школа отличалась похвальным стремлением синтезировать духовные ценности, профессиональные знания и гражданские качества студенческой молодежи. Справедливо ориентируя преподавательский состав на реализацию этого синтеза, партийное руководство советской системой высшего образования исходило из тоталитарно-авторитарной парадигмы общественного развития, что не могло не оказать негативного воздействия на составляющие отмеченной интеграции. В наиболее заметной степени оно отражалось на содержании и тенденциях эволюции духовности, а также на неразрывно связанных с нею гражданских характеристиках студенчества. Духовность и гражданская зрелость советского специалиста напрямую выводилась из марксистско-ленинского представления о ценностях социализма как модели социального устройства с ее важнейшим атрибутом – безраздельной властью партноменклатуры. Менталитет студента-комсомольца был официально настоян на жестко директивных установках последней, в соответствии с которыми нравственным провозглашалось то, что содействовало укреплению социализма в духе упомянутой парадигмы, к сожалению.

На наш взгляд, духовность личности, в первую очередь, предполагает концентрацию ее внимания на ценностях свободы, рассматриваемой как процесс профессиональной, гражданской и семейно-индивидуальной самореализации личности, не причиняющей злонамеренного ущерба другим, основанный на зрелых общественных условиях и неотрывный от ее морально-юридической ответственности за качество и характер данной самореализации. Советский студент-конформист обладал неким набором гуманитарных знаний, подкрепленных патриотическими чувствами, который в определенной степени свидетельствовал о наличии базиса своеобразной духовности, отождествляемой им с антибуржуазными устремлениями партии-государства. Очевидно, что отмеченный базис имел двойное дно: под пронизанной социальным лицемерием вершиной айсберга «коммунистической духовности» зачастую скрывалось многообразие истинных мотивов, ориентированных на стремление любой ценой поскорее проникнуть в супер-партию и энергично продвигаться к Столу (Ф. Искандер) материальных благ, недоступных рядовому советскому человеку. Такого рода квази-духовность, не препятствовавшая распространению в аппаратно-комсомольской среде алкогольно-наркотического поветрия, в конечном счете, способствовала формированию в